

Смайл сделали свое черное дело. Что-то будет с отрядом? Нас ожидают трудные голодные дни. Но честные советские люди, оставшиеся на временно занятой врагами земле, нам помогут. В этом мы все уверены.

ВМЕСТЕ С СЕВАСТОПОЛЬЦАМИ

Читателю, наверное, интересно знать, сколько же человек было в нашем отряде. Ответить на этот вопрос очень трудно. Дело в том, что состав отряда не был постоянным. Он все время менялся. Были такие периоды, когда в некоторых отрядах крымских партизан было по 500—600 человек. А между тем были отряды и по полсотне человек. Собралось тридцать партизан, есть командир, и отряд существует. Поэтому немцы никогда точно не знали, сколько партизан действует против них. В этом — одна из причин наших успехов.

Бывало так: от пленных или предателей враги узнавали, что в отряде сорок человек. Пойдут в наступление, а их встречают огнем триста партизан. Или наоборот: станет немцам известно, что в таком-то участке леса появился отряд, обрушаивают на это место сотни мин и снарядов, бросают туда батальон пехоты, а отряда и в помине нет. Было тут полтора десятка партизан, да и те по какой-нибудь балке ушли в горы. Ну, а в сводке, конечно, партизанский отряд считается уничтоженным.

Точно так же было и с нашим Бахчисарайским отрядом. Сначала он был большой, но после первых боев и первых испытаний ряды его несколько поредели. Разбежались по домам трусы и слабохарактерные, в первых крупных боях мы потеряли около тридцати человек.

Но потом отряд начал снова расти. Это явление было неизбежным. Зверства немецких оккупантов многим открыли глаза, и люди поняли — с врагом надо бороться, бороться беспощадно. Не было дня, чтобы нам в лесу не встречались жители окрестных селений. Они разыскивали партизан, желая влиться в их семью.

Под Севастополем шли тяжелые бои. Фашисты силились вбить клинья в линию обороны города. Несколько наших частей оказалось во вражеском окружении. Бойцы морской пехоты, артиллеристы, связисты поодиночке и группами пробивались в леса, встречаясь здесь с партизанами, вливавшимися в их ряды. Вместе с тем в отряд на-

Андрей Бережной.

Д. Г. Добросокин.

правлялись люди непосредственно штабом партизанского движения.

В конце ноября отряд встретил майора Абросимова с остатками пограничного полка, который пытался выйти к Севастополю. Нам было заманчиво, чтобы такие силы влились в партизанский строй. Однако майор решил во что бы то ни стало идти на соединение с регулярными войсками. Мы дали пограничникам проводников, и их группа ушла на юг. Вскоре мы узнали, что многим пограничникам удалось пробиться в осажденный город. Остальные возвратились в лес и влились в наш отряд.

Позднее к отряду присоединилась группа моряков под командой Николая Ясницкого. Бойцы морской пехоты сражались под Севастополем, были окружены и, выйдя из вражеского кольца, нашли партизан.

Примерно в то же время появился у нас второй секретарь Бахчисарайского райкома партии Бережной с небольшой группой бойцов. После боев под Перекопом они попали в окружение и с большим трудом добрались к нам. Мы все были рады приходу Бережного. Вечером долго сидели у костра, вспоминали мирную жизнь. Вспомнить было о чем: многие партизаны до войны работали на ответственных постах, часто встречались с Бережным

по работе, некоторым «попадало» от него по партийной линии. Развеселившись, Бережной рассказал, как однажды Сидельников собрание в Бия-Сале (Верхоречье) проводил.

— Прибыл товарищ из райцентра доклад делать. Народ уже в сбое. Его в президиум выбирают, все чин по чину. Председатель объявляет: «Слово предоставляется представителю райкома партии товарищу Сидельникову». А он вдруг побледнел, вижу, пот на лбу выступил: «Что стряслось?» — спрашиваю. Он шепчет: «Доклад в Бахчисарае остался, в столе... Что делать?».

«А ты своими словами говори — еще лучше будет». «Да как своими, когда я доклада и не видел. Как отпечатали, так в столе и лежит». А в зале шум: дескать, пора уже начинать. Докладчик сидит, с места сдвинуться не может. Ну, думаю, скандал! Ка-ак двину его кулаком в бок, мой Сидельников подскочил и к трибуне. И представьте, неплохо у него получилось. Правда, от темы отшел. Ему надо было говорить о предмайском соревновании, а он на международное положение нажал. Но в общем народ доволен остался, хлопали...

Сидельников от души хотел вместе со всеми, а потом сказал:

— Не совсем так было...

— Ну, я тут обобщил немного, — смеясь, ответил Бережной.

В отряде к этому времени собралось около двухсот человек. У нас появились навыки партизанской борьбы, мы стали гораздо лучше разбираться в вопросах тактики. Все чаще и чаще среди командиров возникали споры о том, как лучше и эффективнее бить врага. Предложений было много, и разных, но все мы сходились на одном: воевать всем отрядом невыгодно. Надо вырабатывать новую тактику. Разбирая боевые неудачи и промахи, мы видели, что все они имеют одну причину — нашу малую подвижность. Немцы легко нащупывали отряд. Это было вполне закономерно: трудно на сравнительно небольшом лесном участке сохранить в тайне подразделение численностью 100—200 человек. Еще труднее было увести отряд из-под удара. Кроме того, мы чувствовали, что зачастую тратим усилия отряда напрасно. Как-то мы сделали налет на вражеский гарнизон в одном селе. Ночью отряд ворвался в село, было много стрельбы и шума. Немцы, конечно, разбежались, и операцию можно

было считать успешной. Но мы глубоко задумались, когда узнали, что в селе было всего десять гитлеровцев и для налета вполне хватило бы группы из 4—5 партизан.

На партийном собрании мы решили, что вести борьбу с врагами нужно по-иному. Отряд разбили на группы по 5—6 человек с командиром группы, опытным партизаном во главе. Группа снабжалась самодельными минами, бутылками с горючей смесью, гранатами, в каждой группе был обязательно один автоматчик (на всех партизан в то время автоматов у нас не хватало). Если раньше у отряда между операциями были длительные перерывы, необходимые на подготовку и переходы с места на место, то теперь партизаны перешли на непрерывные боевые действия. Каждую ночь во все стороны из отряда уходило на боевые задания несколько групп. Эти маленькие и очень подвижные отряды нападали на вражеские гарнизоны, взрывали мосты на дорогах, портили железнодорожное полотно, налетали на обозы, автомашины.

Возвратившись, партизаны двое суток отдыхали, а вместо них уходили из отряда другие подготовленные для диверсий группы.

Таким образом, мы во много раз увеличили сектор боевого воздействия на врага, немцы на много верст кругом не знали покоя ни днем, ни ночью.

В этот период особенно отличились группы, которыми командовали Д. Добросокин, В. Василенко, Н. Ясницкий, А. Бережной, И. Суполкин, К. Гончаров, И. Урсол.

Новую тактику мы приняли не как что-то незыблемое и постоянное. В случае надобности мы готовы были ударить по врагу не только силами всего отряда, но и соединенными усилиями всего партизанского района. О таком факте я расскажу позднее.

Под ногами захватчиков горела крымская земля.

Николай Василенко.

Злодейства немецких оккупантов разжигали в сердцах партизан огонь святого мщения. Несмотря на очень тяжелое положение с питанием и боеприпасами, наш отряд регулярно совершал различные операции. Люди рвались в бой и, если дело доходило до схватки, бились жестоко и беспощадно.

Самоотверженно бился с врагом Севастопольский отряд. Им командовал старший лейтенант пограничных войск Митрофан Никитич Зинченко. Он имел уже немалый по тем временам военный опыт, так как неоднократно побывал в кровопролитных схватках с немецко-фашистскими захватчиками.

Запомнился партизанам и комиссар отряда, сформированного в основном из симферопольцев, Василий Иванович Филиппов. Он всегда оказывался на самом опасном участке боя, вдохновлял народных мстителей словом и личным примером.

Плохо одетые, полуголодные, с минимальным количеством гранат и патронов партизаны являлись грозой для врага. Гитлеровцы создавали в населенных пунктах гарнизоны, их обозы конвоировались танками, склады охранялись батареями. Враги взяли часть нашей земли, но хозяевами на ней были мы.

Особенно активно начали действовать партизаны в начале декабря. Немцы готовили большое наступление на Севастополь, и нам было ясно: чем больше мы отвлечем сил врага на себя, тем слабее будет удар гитлеровцев на город русской славы.

Партизаны совершили внезапные смелые налеты на крупные гарнизоны, размещенные в Коусе (Шелковичное), Улу-Сала (Синапное), Бия-Сала (Верхоречье), Верхнем Керменчике (Высокое). Не было дня, чтобы наши бойцы не наносили противнику все более ощутимых ударов. На большаках подрывались фашистские автомобилы, взлетали на воздух склады с боеприпасами и снаряжением, горели комендатуры и дома предателей.

С наступлением холода, когда дороги, наконец, подмерзли, деревня Шуры (Кудрино) стала излюбленным местом наших продовольственных операций. За короткое время группа Михаила Самойленко трижды нападала на заставу, охранявшую крупнейшую в районе мельницу, всякий раз возвращаясь с богатой добычей — десертками мешков муки.

Доведенные до бешенства гитлеровцы решили по де-

М. Н. Зинченко.

В. И. Филиппов.

сной дороге ворваться к нам в тыл и окружить отряд. Нужно было преградить врагу путь к лесу. Выполнение этой задачи возложили на группу Ясницкого. Почти под боком у противника бесстрашные моряки незаметно подкрались к огромной скале, заложили взрывчатку. Раздался оглушительный взрыв, и массивные каменные глыбы завалили дорогу, сделали ее непроездной.

На обратном пути партизаны неожиданно обнаружили вражеский обоз. Короткой, но ожесточенной была эта схватка. Уцелевшие немцы в панике кинулись бежать, бросив на дороге 9 машин, груженных снарядами, тягач с пушкой, несколько автоматов. Целыми и невредимыми, с богатыми трофеями вернулись моряки в отряд. Так на деле раскрылись мужество и отвага Николая и его боевых товарищей.

Один из пленных, захваченных при налете, рассказал нам, что немцы серьезно обеспокоены действиями партизан. Командующий 11-й армией Манштейн создал специальный штаб по борьбе с партизанами во главе с майором Стефанусом. Штаб должен работать в тесном контакте с контрразведкой армии. Его цель — ликвидировать уже обнаруженные партизанские отряды, не допу-

стить образования новых отрядов и таким образом обеспечить безопасность тыловых коммуникаций. «Решение этих задач является важным предварительным условием окончательной оккупации Крыма и очистки его от противника», — говорилось в приказе.

Эти сведения обрадовали нас и одновременно обеспокоили. Обрадовали тем, что отряды народных мстителей теперь превратились в такую силу, для борьбы с которой создан специальный штаб. Значит, врагам придется посыпать на борьбу с нами часть войск, идущих на штурм Севастополя. Но мы понимали, что теперь гитлеровцы будут проводить операции против нас в более широких масштабах и нам надо быть всегда начеку.

Штаб майора Стефануса разработал план операции. Для участия в ней были отозваны с фронта румынский горно-стрелковый корпус, 8-я кавалерийская бригада, моторизованный кавалерийский полк, три истребительно-противотанковых дивизиона, саперы и пехотные полки 46-й дивизии. Кроме того, на подступах к Ялте, Алуште, Бахчисараю, заповеднику выставлялись усиленные кордоны, гестаповские и полицейские отряды.

Прочес начался 10 декабря мощным артиллерийским обстрелом района расположения центрального штаба. Отряды под командованием начальника 3-го района Северского и комиссара района Никанорова первыми вступили в бой с превосходящими силами гитлеровцев, изрядно потрепали их и вынудили отступить. К утру 13 декабря каратели с трех сторон начали окружение казармы на горе Чучель. Однако ловкий обманный маневр командующего партизанами Крыма Алексея Васильевича Мокроусова спас штаб от разгрома. Столкнув потерявших ориентировку немцев и румын друг с другом, Мокроусов не заметно вывел отряд из окружения и ударила растерявшегося противника с тыла. Несколько позднее другая группа партизан атаковала вражеский мотобатальон, который двигался в направлении Бахчисарайя. Полным крахом завершились попытки гитлеровцев окружить и уничтожить Бахчисарайский, Евпаторийский и другие наши отряды. Ялтинский же отряд понес в этих боях довольно большие потери.

На рубежах, занимаемых этим отрядом, находился командир четвертого партизанского района генерал-майор Дмитрий Иванович Аверкин. До участия в партизанской борьбе он командовал 40-й кавалерийской диви-

зней, которая прикрывала отход частей Красной Армии от Перекопа к Севастополю. В последний момент, когда стало совершенно невозможно, боевой генерал присоединился к народным мстителям.

И вот в жестоком бою с превосходящими силами карателей Дмитрий Иванович Аверкин пал смертью отважного воина. Он до последнего вздоха не выпускал из рук оружия и разил наседавших гитлеровцев.

Пример генерал-майора Д. И. Аверкина и многих других героев этой жестокой схватки вдохновил на новые подвиги народных мстителей.

Продолжавшееся более полумесяца наступление против партизан провалилось. Однако командование 11-й немецкой армии распустило слухи об «огромных потерях» крымских партизан. Манштейн, например, в начале прошлого направил своему начальнику — главнокомандующему группой армии «Юг» — подробный доклад, в котором перечислялись успехи, достигнутые в борьбе с «лесными бандитами». В этом документе говорилось: «Для ликвидации этой опасности (в Крыму, по нашим сведениям, имеется восемь тысяч партизан) нами были приняты решительные меры; иногда для борьбы с партизанами приходилось отвлекать войска... К настоящему времени достигнуты следующие результаты: ликвидировано 19 партизанских лагерей, уничтожено 640 и взято в плен 522 партизана, захвачено или уничтожено большое количество вооружения, снаряжения и боеприпасов (в том числе 75 минометов, 25 пулеметов, 20 легковых автомашин и большое количество грузовых автомобилей, 12 складов снаряжения и боеприпасов), а также скот, горюче-смазочные материалы и две радиостанции».

17 декабря начался второй штурм Севастополя. Гитлеровцы, стянув с других фронтов людские резервы, осадную артиллерию и танки, бомбардировщики и истребите-

Д. И. Аверкин.

ли, тяжелые минометы и огнеметы, рассчитывали за несколько дней овладеть главной базой Черноморского флота. Подсчитав все «за» и «против», Манштейн не сомневался, что к полугодовщине войны сможет доложить фюреру о захвате города.

Но штурм был отбит. Поддерживаемые огнем вошедших в бухту кораблей, севастопольцы отбросили фашистов на исходные позиции.

Желая эффективнее помочь защитникам города, наш отряд передислоцировался ближе к фронту и оседлал дорогу Бахчисарай — Дуванкой (Верхне-Садовое).

— Севастопольцы лупят фрицев в гриву, — шутили партизаны, — а бахчисарайцы — в хвост.

Так оно и получалось. Все чаще совершались дерзкие налеты на гарнизоны деревень, расположенных вблизи от фронта. На перехваченных нами горных дорогах ежедневно подрывались автомашины, устанавливались засады и ловушки, в которые попадало немало немцев и румын. Добытые от них данные немедленно передавались командованию севастопольской обороны.

Когда крах второго штурма определился окончательно, мы узнали о высадке наших десантов на Керченском полуострове и в Феодосии. Совинформбюро сообщило: 29 и 30 декабря группа войск Кавказского фронта во взаимодействии с военно-морскими силами Черноморского флота, высадила десант на Крымском полуострове и после упорных боев заняла город и крепость Керчь и город Феодосию».

А в последние минуты 1941 года, слушая новогоднюю речь Михаила Ивановича Калинина, мы узнали еще об одной славной победе — разгроме гитлеровских полчищ на подступах к Москве.

Катастрофический провал штурма Севастополя вдохновил партизан. В течение всего января на дорогах, ведущих к сражающемуся городу, а также к Симферополю, Евпатории, Ялте, Керчи, активно действовали все наши отряды. Московское радио 18 января сообщало:

«По полученным далеко не полным сведениям о результатах действий нескольких партизанских отрядов, действующих в Крыму, эти отряды за два месяца убили 1800 немецких солдат и офицеров, взяли в плен 41 гитлеровца, захватили 10 пулеметов, уничтожили 70 грузовых машин, 58 подвод с боеприпасами. 3 цистерны с горючим, кроме того, на минированных партизанами до-

рогах подорвалось свыше 100 автомашин с пехотой и боеприпасами. Воодушевленные победами наших войск в Крыму, партизаны еще больше активизируют свою боевую деятельность».

Обо всем этом сообщалось в специальной листовке, выпущенной в нашей лесной типографии журналистами Ефимом Певзнером и Гошой Кокушинским. Обращение к населению оккупированного района с призывом подняться на борьбу против захватчиков подписали комиссар Черный, мой заместитель по разведке Самойленко, я и группа партизан.

Но после того как фашисты расстреляли жену Черного и близких родственников всех подписавших листовку, мы поняли, что, раскрыв свои фамилии, допустили серьезную, теперь уже непоправимую ошибку.

Относящиеся к этому периоду донесения штаба Степануса полны нескрываемой тревоги. «Темной ночью, — говорилось в одном из них, — противнику удалось высадиться в нескольких местах обширной гавани (имеется в виду Евпатория. — М. М.). Один взвод местной охраны, сражавшийся на немецкой стороне, понес потери и преисходящими силами был отброшен в город. С целью создания заградительного огня было выпущено четыреста снарядов...

Одновременно с высадкой десанта с моря партизаны при поддержке парашютистов предприняли атаку и смяли немецкую охрану у моста... Два немецких отряда успешно вели огонь по этой цели, пока им не пришлось сменить позицию вследствие тяжелых потерь, понесенных в бою».

«Партизанский отряд численностью в 24 человека занял Димитровку, находящуюся в 4-х километрах от Сак, и, таким образом, блокировал дорогу на Симферополь».

«Деятельность партизан в Крыму достигла огромных масштабов. Есть основания предполагать, что высадка советских войск явилась результатом разведывательных действий отдельных партизан».

«В восточном секторе, в частности в районе Карасу-Базара, на немецкие грузовики было совершено четыре внезапных нападения. В одном из этих нападений участвовало двести партизан, одетых в белые маскировочные халаты».

«В восьми километрах от Алушты (на Ялтинском

(шоссе) десять партизан напали на военный автобус и румынский грузовик»... «Засады и нападения на шоссейных дорогах западного Крыма»... «Диверсии на железнодорожной линии Джанкой — Армянск» и т. д. и т. п.

В карасубазарских, зуйских и судакских лесах тоже базировались отряды партизан. Диверсионные группы частенько выходили к железнодорожным магистралям, разрушали пути, взрывали воинские эшелоны, совершали отважные вылазки в глубокий тыл.

Много смелых операций осуществили Евпаторийский, Джанкойский, Ак-Мечетский, Судакский, три Симферопольских и Красноармейский отряд, сформированный из бойцов и командиров, вырвавшихся из окружения и плена.

С целью раскрытия связи между населением и партизанами гитлеровцы все чаще устраивали массовые облавы. Одной из них руководил в Симферополе штурмбаннфюрер Браун, впоследствии приговоренный военным трибуналом в Нюрнберге к расстрелу. Задачи облавы, как это значилось в приказе заместителя начальника тыла 11-й армии, — «задержание ненадежных лиц (партизан, диверсантов, а возможно, военнослужащих противника, парашютистов, переодетых в гражданскую одежду, евреев, ответственных коммунистов и т. д.)».

Симферополь был разделен на шесть оперативных районов, каждому из которых выделялись войска, полиция, автотранспорт, переводчики. В результате облавы было арестовано 1550 человек. Почти все из них не имели никакого отношения ни к партизанам, ни к подпольным патриотическим группам. Облавы не дали фашистам результатов. Тогда на основании директивы Манштейна в Крыму стало применяться заложничество.

«Везде, где дислоцируются войска, — говорилось, например, в приказе командира 30-го корпуса генерала Саламута, — нижеследующие лица подлежат немедленному задержанию в качестве заложников:

- а) родственники партизан;
- б) лица, подозреваемые в связях с партизанами;
- в) члены партии, комсомольцы и кандидаты в члены партии;
- г) лица, которые до прихода немцев и румынских войск занимали какие-то руководящие посты;
- д) лица, задержанные вблизи запретных зон без специального пропуска.

Все заложники должны быть заключены в концентрационные лагеря. Продовольствием заложников обеспечивает население их деревень. За каждого немецкого или румынского солдата, убитого партизанами, следует расстреливать десять заложников и за каждого раненого — одного заложника; по возможности расстрел производить вблизи места, где был убит немецкий или румынский солдат. Трупы расстрелянных не убирать в течение трех дней».

В Симферополе военный комендант выступил по радио, предупредив, что «если комендатура не будет заранее поставлена в известность о готовящейся диверсии, оккупационными войсками в качестве репрессии будет расстреляно 100 жителей города».

Но ни угрозы, ни дикие расправы не запугали советских людей. Не на жизнь, а на смерть боролись они с ненавистным «новым порядком».

ТРАГЕДИЯ ПОСЕЛКА ЧАИР

С тех пор прошло немало лет. Забываются бои, все реже вспоминаются пожарища на дорогах войны. Но иногда услышишь название селения или попадет тебе в руки что-то напоминающее о тех днях, и в памяти ярко вспыхнет событие, свидетелем которого ты был.

Так случилось и со мной, когда я прочитал извлеченный из архива короткий документ. На листке, вырванном из тетради, рассказывается о трагедии поселка Чайр:

«Мы, нижеподписавшиеся, командир 4-го партизанского отряда Калашников, комиссар Фартушный, нач. штаба Чухлин, оперуполномоченный Кобрин и жители поселка Чайр Бахчисарайского района Олейникова П. П., Олейникова Н. М., Кузнецова А. П., Зайцев С. С., Пешая О. Г., Лелека Г. К., Лелека Н. К., Сандулов А. Е., Сандурова А. Е., составили настоящий акт в следующем:

2-го февраля 1942 года прибывшие в 4-й отряд из поселка Чайр в 10.00 утра Сандулов Анатолий Емельянович и Кузнецова Анна Прокофьевна сообщили о том, что назначенный немцами староста поселка Литвинов Алексей Никифорович в 4.00 утра сбежал из поселка в деревню Коуш.

До этого дня приходившие в поселок карательные отряды немцев и дружинники грозили населению распра-